

Муниципальное учреждение
Централизованная библиотечная система им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Дворцова Н. О доброте: рассказы / сост.
Калашников Н.Н. – Новокузнецк, 2008. – 24 с.

К 30-летию КЛФ «Контакт»

Надежда Дворцова

О доброте

Рассказы

Составитель – Калашников Н.Н.

Новокузнецк
2008

Составитель, ответственный за выпуск –
Калашников Н.Н.

Долгая, долгая любовь

ДВОРЦОВА Надежда Ивановна родилась 5 мая 1965 г. в Новокузнецке. Закончила Кемеровский медицинский институт в 1989 г. Работает участковым врачом-педиатром. В КЛФ «Контакт» пришла в октябре 2003 г. Первая публикация – рассказ «Что?» – в сборнике «Люди в квадрате»: Проза «Контакта» (Новокузнецк, 2004). Публиковалась в местных газетах. Рассказы «Что?» и «Еще раз о героях», а также сказочная повесть «Айк, Мяврик, Ян и старенькая колдунья: Необычайные приключения Алены в Колдовалом лесу» опубликованы в журнале «Мир фантастики» (2006.– № 6.– На диске).

Рассказ «Долгая, долгая любовь» впервые напечатан в газете «Сельские вести».–2006.– 4 авг. Рассказ «О доброте» (под заголовком «Доброта») напечатан в газете «Кузнецкий рабочий».– 2005. – 27 дек. Рассказ «Еще раз о героях» впервые опубликован в газете «Сельские вести».– 2006.– 28 апр. Рассказы «Просто учитель», «Музыка», «Компьютерная душа» печатаются впервые.

Он бережно отвёл волосы с её спящего лица, коснулся рукой тёплой щеки. Ресницы задрожали, и зелёные глаза распахнулись навстречу его взгляду. А в глазах ещё нежилась недосмотренный сон, на щеке – маленький розовый след от подушки. Она сладко потянулась и наконец расцвела ясной и ласковой улыбкой.

– Неужели ещё не конец? – замирая от счастья, тихо спросил он. – И ты ещё любишь меня? – Она на мгновение задумалась, потешно нахмутив брови, оглядела его высокий лоб, пушистый ёжик коротких волос и не смогла отвести взгляда от ласковых серо-зелёных глаз.

– Да, ещё люблю, всё ещё люблю, ёжик. Хоть так и не бывает. Мне все подружки давно говорят, что я полная дура, что упускаю столько возможностей. Наверное, я и, правда, дура.

– А мне длинный опять предлагал поменяться, – он улыбнулся и обнял её. – Ну, чтобы он – с тобой, а я – с его дылдой. Я ему хотел в глаз дать – увернулся, гад, я в плечо попал. И стукнул-то не сильно, а он разобиделся, теперь мы с ним не разговариваем ...

Они шли по осенней листве навстречу друг другу, их шаги становились всё быстрее, они побежали, почти полетели – оп, и вот она уже кружится в его объятьях. И родные, такие любимые руки на плечах, и снова – глаза в глаза... Они вырвались из сумасшедшего потока жизни, чтоб замереть на минутку, обнявшись, посреди осеннего парка, под задумчивым неярким солнцем.

– А ко мне сегодня мама приходила, опять говорила, что это неприлично – быть так долго с тобой. Что тётки у неё на работе только о нас и говорят. Хотя сама с отцом больше двух лет жила, и ничего! Времена, говорит, другие были! Я так хотела бы в те времена с тобой пожить! – она мечтательно жмурилась, как котёнок на солнышке. – А рыжая вообще мне не верит, говорит, что я хочу к себе внимание привлечь, а на самом деле не люблю тебя, только притворяюсь. И дуется на меня за что-то. Ну какое ей дело? А чего это ты хромаешь? – вдруг остановилась она.

– Да мне тут тоже высказали... некоторые из моих бывших, – он помолчал, – друзей. Видишь ли, на тебя большой спрос, и им очень надоело ждать. – Его усмешка вышла кривой и грустной.

– Да? А я никого достойного рядом с тобой так ни разу и не видела. Пусть не надеются, так им и передай!

– Зайка, – он опять задохнулся от невозможного, немислимого счастья, – ну почему ты такая зайка?

Он пришёл поздно, устало присел на корточки у стены в прихожей. Она, радостно выбежав из кухни навстречу, – вдруг поникла и грустно присела напротив, пытаясь заглянуть в родные глаза.

– Ох, котёнок, не знаю, что и делать. Ведь через три дня нашу семейную квартиру нужно освободить, её ждёт другая пара. Как же нам теперь?

– А мы в парке будем жить, как ёжики, правда же? Ну, улыбнись, пожалуйста! – она доверчиво заглянула в его глаза – такая маленькая и храбрая.

Утром, когда они пили кофе на кухне, прозвучал вызов, и на дверном экране показалось незнакомое лицо.

– Это вы хотели бы продлить брак? – разбитная девица тарасилась на них с экрана.

– Ой, какой ты молодец, ну как же я-то не додумалась! – она подлетела и распахнула дверь. За девицей вошли два похожих, словно близнецы, парня с какой-то аппаратурой.

– Мы со второго канала новостей. Ну, а теперь объясните мне, зачем вам это нужно?

Он поморщился от резкого голоса корреспондентки и тихонько сказал:

– Я там всё написал, в заявлении. Мы продолжаем любить друг друга и хотели бы продлить наш брак.

– Но ведь этого не может быть! Вы давно превысили все сроки! Ваша квартира нужна другой паре, и вы это прекрасно знаете! Думаете, они любят меньше вас? Такого ещё никогда не было! – возмущенно фыркала она. – А как вы можете доказать, что всё ещё любите друг друга?

Они растерянно переглянулись.

– Как же это можно доказать? Просто любим, и всё!

Два парня тем временем обошли жилище, тщательно снимая семейную кровать со скомканным бельём, шкаф, где вперемешку лежала и висела мужская и женская одежда, два полотенца, две зубные щётки в ванной и ещё бог знает что, засовывали нос своей видеокамеры во все углы. Наконец, они уехали и стало очень тихо.

Последний день, последний вечер. И на столе остывает никому не нужный ужин, оплывают свечи, в углу молча светится экран. Она тихо дрожит, прижавшись к его груди. Он гладит и перебирает пряди волос. Говорить уже не о чем, выхода нет, они должны расстаться. Темнота настукает, отпрыгивает и медленно подползает вновь. Она не

упустит свою добычу. На экране – заставка второго канала и вдруг – их растерянные лица. Он прибавляет звук.

– В то время, когда средняя продолжительность брака в мире достигла двух недель и с каждым годом продолжает уменьшаться, одаривая людей новыми, невиданными возможностями общения, эти два динозавра, прожив вместе месяц, подали заявку на продление брака. Факт, достойный тщательного изучения! Что это – возврат к тёмному прошлому, психическое заболевание или ловкая мистификация? Для того, чтобы разобраться, второй канал продлил их проживание в квартире на два месяца в обмен на информацию об их личной жизни. Мы хотим раскрыть эту тайну и не остановимся ни перед чем! Вы меня слышите, господа подопытные кролики?

Медленно, как во сне, он выключил экран и ничком упал на подушку. Перед глазами среди зелёных кругов качалось наглое лицо дикторши. Они видели их прощание, их отчаяние, поцелуй и слёзы, слышали наивные и безнадёжные планы спасения. Как мерзко! Всё, всё кончено! Любовь не может быть публичной! Она не сможет, не вынесет такого издевательства! Бедная зайка! – он повернул к ней лицо, в глазах стыли слёзы. И с удивлением услышал:

– Ничего, ёжик, не горюй! За нами подглядели – ну что же, пусть им будет... будет стыдно! – и она яростно погрозила экрану кулачком. – Да, пусть они лопнут от зависти! Ведь у нас с тобой ещё месяц! Целый месяц! А потом – кто знает, может быть, они убедятся и позволят нам... Нет, ну их к чёртовой бабушке! Давай за этот месяц построим свой дом! Представляешь – как строили в давние времена, только для нас двоих. Говорят, очень давно люди могли прожить вместе всю жизнь! Их дети жили вместе с ними, представляешь?

– Нет, вот это уж точно сказки, маленькая, – улыбнулся он наконец. – Такого просто не может быть! Два года, как твои предки... да и то твоя мама, наверное, слегка преувеличила.

Ещё раз о героях

Герои книг, несомненно, существуют. Реально. Родившись в сознании автора, они влияют на воображение читателя. А среди читателей обязательно есть будущие авторы. И герой продолжает жить в их книгах, почти без изменений перескакивая из повести в роман, из романа в рассказ и так далее, от автора к автору, меняя только имена, эпохи, причёски, одежду и другой антураж. Лицо и фигура самого-самого главного героя знакомы всем читателям

"женского" романа, "фэнтэзи", боевика, многих исторических и детективных произведений. Ну что же, не будем ломать традиции. Воспроизведём этого героя и мы, да и отправим его прогуляться по рассказику. Итак, что мы имеем в наборе...

Конечно же, пронзительные серо-голубо-зелёные глаза. В зависимости от обстоятельств они должны менять цвет. Ну, понятно, что не на красный, хотя почему бы и нет? Разумеется, чётко очерченный рот (надеюсь, не помадой, хотя почему бы и нет) и волевой подбородок. Описание лица обычно заканчивается густой копной волос, хотя здесь возможны и другие варианты. Но наш герой будет рыцарем, так что всё-таки копна, без вариантов. Копна густых, чуть вьющихся белокурых... ой, извините, пожалуй, русых волос. Будем скромнее. Фигура... о, фигура нашего героя просто обязана бугриться мускулами. Значит, сверкающие латы отпадают, они пока будут в седельной сумке. Парня придётся одеть в скромный, но благородный костюм из хорошо выделанной кожи. Сверху, понятно – жилетка, а снизу – штаны. Жаль, что во времена рыцарей не носили шорты: красивые обнажённые руки должны прекрасно гармонировать с обнажёнными ногами. Эти ноги, естественно, крепко охватывают шелковистые бока роскошной лошади. Верный конь тоже бугрится мускулатурой и сверкает прекрасно выделанной, ой, пардон, вычищенной шкурой. Меч и другая экипировка рыцаря, конечно, тоже великолепны. Интеллект героя так и сияет в его серо-голубо-зелёных глазах, которые иногда вспыхивают отвагой или страстью (тоже в зависимости от сюжета).

А ничего парень получился, так и хочется его на подвиг отправить. Ну что же, мой рыцарь, вперёд, в рассказ, и да сопутствует тебе неизменное внимание читателя!

В придорожном трактире было сильно накурено, а покрытый опилками пол, казалось, впитал нечистоты всех пьяниц этой деревни. Рыцарь устало сидел на грязной лавке, которая местами прилипла к его штанам, доделал подгоревшее мясо и уныло прикидывал: комната для ночлега здесь, наверное, тоже грязная. Даже если он устроит большой скандал, неряха-трактирщик вряд ли найдёт ему что-то почище. Лучше бы он переночевал на лесной опушке, там, по крайней мере, нет клопов! И что его понесло в этот гадкий трактир? Оказалось, понесла судьба. Донесла, усадила и теперь потирает ладошки, наблюдая, как к рыцарю опасно приближаются два человека весьма затрапезного вида. Высокий, худой, смуглый и горбоносый – первый. Коренастый, низенький и более светлый – второй. Казалось, все дороги мира оставили грязные следы на их

одежде. На лицах отпечатались тени всех пороков, возможных в данную эпоху. Они уселись за соседний столик и завели между собой разговор о прекрасных принцессах, пленённых злыми драконами. Худой рассказывал плотному историю за историей, и рыцарь невольно прислушался, следя за сюжетом. Закончив трапезу, он прихватил свой кувшин вина и подсел к бродягам.

– Ты складно врёшь, грязнуля!

– Счастлив услужить господину рыцарю! – худой встал и поклонился.

– Ладно, садись. Можешь даже налить вина. Так говоришь, здесь водятся драконы? Попробуй не соврать на этот раз, просто для разнообразия!

– Хорошо, господин рыцарь, я скажу правду. Но ведь она может оказаться не такой красивой, – длинный коротко взглянул в глаза собеседника, – а иногда даже опасной...

– Кто там смеет болтать об опасности в моём присутствии? Тебе лучше начать историю, пока я не рассердился!

– Простите моё невольное промедление, господин рыцарь. Я не сомневаюсь в вашей силе и храбрости, но ведь есть силы...— Огромный кулак грохнул по столу. Бродяги вскочили и побледили. Рыцарь молча закипал, и худой поспешно заговорил:

– Недалеко отсюда, всего в двух дневных переходах, есть старинный замок. Владеет им знатный и богатый лорд. Ещё неделю назад украшением замка была его дочь, и все сокровища лорда не могли сравниться с её красотой. Ах, господин рыцарь, если бы вы видели эту девушку! – длинный закатил глаза и сладко причмокнул. – Вы бы никогда не забыли её, как не смогли забыть четыре благородных графа, её соседи. Но я немного отвлекся, прошу прощения... – бродяга закашлялся и отхлебнул вина.

— Однажды девушка вышивала, сидя у окна своей башни, а четыре влюблённых графа под окном старались привлечь к себе её внимание игрой на лютне. Вдруг из грозовой тучи к окну опустился ужасный дракон. Он схватил девушку своими когтистыми лапами и улетел прочь. Целую неделю рыдает её безутешный отец, и целую неделю нет вестей о благородных юношах, которые отправились на поиски девушки.

– Несомненно, рассказ хорош... но ведь ты обещал не врать?

— Я не посмел бы, ваша милость! – бродяга не выглядел ни правдивым, ни напуганным. – А не случилось ли господину рыцарю пройти сегодня утром через большую деревню? И не заметил ли господин рыцарь, что жители этой деревни были чем-то взволнованы?

– Не заметить было невозможно! Эти болваны сбежались на деревенскую площадь и галдели громче своих гусей!

– А не послушал ли господин рыцарь, о чём гудела деревня?

– Да за кого ты меня принимаешь, дурак? У меня нет никакого желания прислушиваться к их гудению.

– Конечно, я вас прекрасно понимаю. Но мы с приятелем, в отличие от вас, только скромные странники. Мы подошли и послушали. Один из крестьян громко плакался о том, что огромный дракон унёс его корову! Прямо на глазах у хозяина, подхватил и уволок! И утащил её прямо вон к тем горам. Вы не туда ли направлялись, благородный рыцарь?

– Да, примерно в ту сторону... придётся навестить эти горы. Но если я не найду там дракона, если тебе вздумалось пошутить... – бродяга опять побледнел и забормотал что-то, уверяя его в своей искренности. Рыцарь зевнул и, вспомнив о грязной комнате для гостей, решил отправляться немедленно и заночевать в лесу. Оставив бродяг допивать своё вино, он вышел, стремительно вскочил на коня и пустил его быстрой рысью. Вскоре деревня скрылась за ближайшим поворотом, конь постепенно перешёл на шаг. По дороге наш герой размышлял, какими приёмами боя может владеть дракон, вспоминал истории о драконах. Он уже видел себя победителем, а дракона – распростёртым у своих ног, жалобно молящим о пощаде. Почему-то эта мольба была выражена изящными стихами. В сумерках рыцарь выбрал у дороги пригорок с чистым и звонким ручейком, расседлал коня и развёл огонь. Лёжа в траве у костра, он любовался роскошным закатом и попивал из походной фляжки вино. Вдруг небо у края леса перечеркнула чёрная тень. Взмахивая крыльями, на рыцаря нёсся дракон! Рука невольно потянулась к мечу. Момент был крайне неудачен! Доспехи бесполезной грудой лежали в сумке, а меч он воткнул по другую сторону костра. Почти не поднимаясь с земли, рыцарь прынул к мечу, слегка обжёг колено, но даже не заметил боли. Рукоять скользнула в руку, мощный торс напрягся – рыцарь был готов к бою. Медленно и грозно подняв взгляд – о, какой силой и уверенностью светился этот взгляд – он проводил им спину и виляющий хвост улетающего дракона. Боевая ярость клокотала в крови и просила выхода, с мощного разворота рыцарь снёс мечом пару не тонких деревьев. Постепенно он успокоился и решил, что всё к лучшему. Завтра он встретится с драконом во всём блеске своего оружия и доспехов. Огорчённо оглядев прожжённую дыру на коленке, наш герой завернулся в свой походный плащ и преспокойно уснул. Утро выдалось дождливым. Седлая коня, он думал о том, как благодарна будет ему спасённая девушка, а потом и её отец. Далее

мысли перешли в приятные мечты, и рыцарь перестал замечать холодный дождик, стекающий противной струйкой между лопаток куда-то к хвосту. Лошадиному.

Вскоре он достиг подножия гор и сразу увидел чёрный зев пещеры. Склон был очень крутым, к пещере не было ни одной тропинки, и рыцарю пришлось оставить коня у подножия горы. Полюбовавшись своими блестящими латами, наш герой тщательно оделся и взмахнул мечом. Он был готов! Одним мощным рывком, даже не запыхавшись, рыцарь оказался у тёмного входа и осторожно заглянул внутрь. В полумраке на середине пещеры слабо желтела небольшая куча монет, а у дальней стены спала... девушка? Нет, пожалуй, девочка лет шести-семи. Её бледное личико чётко вырисовывалось на фоне тёмного камня. Слегка разочарованный, рыцарь хотел вынести её на свет, но тут над его головой захлопали огромные крылья. Дракон снижался стремительно и грозно. Выскочив на площадку перед пещерой, рыцарь встал в боевую стойку. Дракон опустился на землю и удивлённо замер, разглядывая гостя. Не тратя понапрасну слов, наш герой пошёл в атаку. Дракон неуверенно попятился и вдруг, издав пронзительный звук, взлетел. Богохульно выкрикивая имена всех известных ему демонов и их родителей, рыцарь смотрел на дракона, который нарезал круги над его головой. Ну, и как прикажете с ним сражаться? Как же побеждали драконов герои легенд и преданий? Допрыгивали? Или драконы раньше были глупее, и сами пёрли на меч? Наконец рыцарь устал вращать мечом и ругаться, а дракон, наверное, летать (хотя кто их, драконов, знает?). Опустившись на приличном расстоянии, он вновь уставился на рыцаря. Приехали. Поединка не будет, можно уходить. Но тут наш герой вспомнил о маленькой беззащитной девочке, несомненно, заколдованной драконом, и гневно крикнул:

– Отдай ребёнка, уродина, и убирайся, откуда не звали! – славный меч угрожающе описал дугу. Дракон замахал крыльями и начал издавать какие-то звуки. Благородная ярость вновь наполнила душу нашего героя. Одним прыжком преодолев разделяющее их расстояние, он бесстрашно бросился на врага. Меч летел прямо под челюсть дракона. Удар, несомненно, был смертельным, и радость победы уже зарождалась в окованной сверкающим металлом груди. Но тут его ногу повело в сторону, рыцарь поскользнулся на размокшей под дождём почве и со звоном рухнул на землю. При этом он зачерпнул забралом липкой грязи, которая сразу залепила ему нос и рот. Не успел он проплеваться и осознать всю чудовищность поражения, как почувствовал, что мощные когти схватили его поперёк панциря и над ним захлопали огромные крылья. Полёт

продолжался совсем недолго, не успел рыцарь произнести парочку отборных ругательств, как его уже бережно опустили на землю. Он тут же вскочил. Сильная рука продолжала сжимать верный меч, гнев клокотал в его груди и просил выхода. Ещё не всё потеряно! Мгновенно обернувшись, он увидел, что дракон опять стоит вне пределов досягаемости его меча, грустно свесив голову.

– Ну, и кто на этот раз у нас в гостях? – раздался за спиной спокойный голос. Великолепный прыжок в сторону – и в поле зрения оказался богато одетый мужчина преклонного возраста, высокого роста и с красивой густой бородой. В его руках не было оружия, и рыцарь, сразу угадав в нём хозяина дракона, опустил меч.

– Господин рыцарь, не угодно ли вам омыть разгорячённое схваткой лицо? – без всякой насмешки продолжал старец. – Я могу предложить вам только скромный ручеёк.

– Этого совершенно достаточно, – не совсем учтиво буркнул рыцарь и сердито наклонился над ручьём, чтобы отмыть отчаянно грязное лицо и руки. благородный гнев всё ещё бродил в нём, постепенно укладываясь, как усталый пёс. Но собеседник был так безукоризненно вежлив и любезен, а дракон так явственно поджимал хвост в его присутствии, что любопытство рыцаря разыгралось не на шутку. Пока он отмывался, мужчина говорил что-то дракону на незнакомом языке, а дракон тихо и виновато пищал ему в ответ. Наконец старец обратился к рыцарю.

– Прошу прощения за неудобства, доставленные вам моим учеником. Конечно же, теперь я вынужден, – он бросил выразительный взгляд на дракона, – объяснить вам ситуацию. Мы – вовсе не жители вашего мира. Но мы можем путешествовать по различным мирам, в том числе и по вашему. О, только с познавательными целями, поверьте мне. Информация... гм, баллады и легенды о каждом мире тщательно собираются и хранятся в специальных хранилищах. Дело в том, что вот это непослушное существо, – снова выразительный взгляд, – с раннего детства полюбило ваши баллады. Он просто зачитывался сказками о драконах и отважных рыцарях. И однажды, придав себе этот облик, просто удрал! – голос старца наливался гневом и горечью. – Удрал в ваш мир! Даже не выучил языка, придурок! – дракон обиженно заскулил. – А если бы тебе вот этим мечом досталось, умник? И ходили бы потом местные крестьяне в очень крепких кожаных штанах из чьей-то шкуры!

Голос старца звенел неподдельным гневом. Дракон что-то робко свистел в ответ.

– Но благородному господину, наверное, не известно, что ваш ученик похитил у крестьянина корову? Если он так полюбил наш мир, то чем же он надеялся там питаться? Красть крестьянский скот?

– О краже не было и речи. Он честно уплатил стоимость животного золотом. Так? – дракон понуро кивнул. – Вероятно, корова была общественной, а деньги переданы крестьянину без свидетелей...

– А зачем же он утащил в свою пещеру бедную девочку, дочь местного графа? Или за неё он тоже уплатил золотом? Ведь не съест же он её хотел?

Дракон и старец вновь посвистели на своём языке.

– Я в затруднении, уважаемый рыцарь. Конечно же, мы не едим разумных существ, это было бы страшным грехом. Но в нашем языке нет аналога его действиям, я не могу их объяснить. Если вы удовлетворены по всем остальным вопросам, то я хотел бы откланяться, а этот балбес обещает доставить вас к пещере и там представить доказательства своей невиновности. Потом он вернётся обратно и больше никогда не побеспокоит ваш мир. Уж об этом я позабочусь!

Дракон обрадовано закивал, а старец, пожелав рыцарю всего хорошего, стал медленно спускаться по тропинке. Опасливо, бочком подойдя к рыцарю, дракон взлетел и осторожно прихватил его лапами. Внезапно глаза нашего героя заволкло туманом, а когда он проморгался – увидел площадку у пещеры, на которой так позорно поскользнулся. Дракон осторожно поставил его на землю и мотнул головой, приглашая в пещеру. Рыцарь вошёл и остановился, привыкая к полумраку. У входа сразу раздалось хлопанье крыльев – это дракон сбежал в свой мир. Ну что ж, так даже лучше, можно разобраться спокойно. Он подошёл к лежащей девочке. Она была чудо как хороша! Бледное лицо обрамляли золотистые кудри, прекрасное платье охватывало стройную фигурку. Рыцарь подхватил её и вынес из пещеры. Проклятье! Сто тысяч молний на уродливую драконью голову! Его руки сжимали прекрасную... куклу!!! Дракон просто раздобыл себе игрушку! Так значит, вдохновенный рассказ о дочке графа оказался чистейшим враньём! Ну, бродяга, погоди! Пойдите, но ведь дракон сюда больше не вернётся? Значит, симпатичная кучка золота на полу пещеры никому не нужна? Почти бегом он вернулся в пещеру. Проклятье! Сто раз по сто тысяч проклятий на головы воров! Пока он беседовал со старцем, кто-то преспокойно унёс всё золото! Бродяги, больше некому! Скорее в погоню! В несколько мощных прыжков скатившись с горы, рыцарь – о, чёртова куча проклятий – не нашёл на месте своего верного коня! Вместе с ним исчезло золото

дракона и небольшой запас его собственных денег. С тяжёлым стоном он повалился лицом в мокрую траву.

Печально звякая прекрасными, но изрядно испачканными доспехами, по дороге медленно брёл очень усталый рыцарь. Бедный мой рыцарь, мой идеальный герой! С другими авторами тебе везло гораздо больше. Там твоя прекрасно развитая мускулатура, отточенные до совершенства боевые рефлексy и воля к победе всегда находили восторженных почитателей. Признаюсь, это слегка раздражало, и мне захотелось немного поиздеваться над самым крутым парнем всех времён и народов. Но ведь не настолько же! Да и привыкаешь невольно к человеку, разделяя все его мысли, беды и радости. Прости своего ехидного автора, рыцарь, и пусть за ближайшим поворотом тебя ожидает чистенькая корчма с одинокой симпатичной хозяйкой или гостеприимный барон, который всегда рад благородному гостю. И после сытного ужина с лёгким или не лёгким вином пусть в нашем мире появится ещё одна быть об ужасном драконе, отважном рыцаре и прекрасной принцессе! И, пожалуйста, постарайся быть счастливым!

Просто учитель

– Лен, погоди, послушай!

– А? – Летящий поворот точёных плеч ... или плечей ... а, плечиков, вот. Брови озадаченно взметнулись вверх, ожидание на лице медленно сменяет смущённая улыбка. А у меня рот как заклеило – не открывается!

– Саш, ты в другой раз сначала придумай чего-нибудь, ага? – улыбнулась, развернулась и ушла. Опять! Нет, с этим надо что-то делать. Для начала – хотя бы не глазеть ей вслед. Вот вроде не прикинута девчонка, и юбка могла быть покороче – а глаза просто прилипают. И идёт красиво – свободно так. Да... Это я её хотел в кино позвать, на премьеру года. Позвал, называется! Чёрт, чёрт, что же делать-то, а? Я в этой школе недавно, нужно как-то о себе заявить, смело как-то, чтоб заметили. Тогда давай уж честно – чтоб она заметила. А то стою, понимаете ли, столбом, и мычу как debil! Ужас!

– Костян, давай Суффикса разыграем? – Костя притормозил, захолопал рыжими ресницами, на лице полное недоумение.

– Зачем это?

– Ну ты даёшь! У вас что, не разыгрывают? Мылом доску натереть, чтоб мел не писал, или там кнопочек на стул подложить... эй, чего так смотришь?

– Дурень ты, Сашка! Чего он тебе сделал, нормальный дядька, кнопки – это ж больно! А доску – придумай поумнее чего-нибудь! Натрёшь – а он тебя же и вызовет, сам над этой доской пыхтеть будешь. Вот где смеху-то! Странные у вас, в Москве, приколы. Пошли, что ли, а то поесть не успеешь.

Да, с ними каши не сваришь. И этот туда же, шестой по счёту. Придётся самому...

Больно – а как вы, господа учителя, хотели! Не всё только вам нас чморить, всё должно быть по-честному! Вот и Суффикс вчера – ну видит же, что человек больше ничего не знает, уже всё до капельки выложил. А он – вспомни, вспомни Саша, постарайся, да сочувственно так! Не верю я этим добреньким, накушался уже! Что там мне отец втирал? Жизнь, мол, большая и сложная, а любовь часто бывает короче, чем жизнь? Да мне вот так на вашу любовь! У вас – короче, а мы с мамой в результате в этой дыре, у бабушки, оказались. Он там со своей новой, в Москве, добренький наш, а мама мне на штаны второй месяц копит! Нет, надо с этим что-то делать, иначе меня просто разорвёт от злости!

– Здравствуйте! – этим простым словом Суффикс позволил нам сесть. Сели тихонько, глядят влюблёнными глазами – ну просто зомби какие-то. Ничего, скоро он у меня вскочит!

– Сегодня я расскажу вам о весне.

«И лес, прекрасной полон неги,
ветвями гладил тишину
и золотые обереги
светились нежно сквозь волну...»

Не буду слушать, всё лабуда, обереги какие-то. Не хочу, как они – сидеть, слегка подавшись вперёд, и ловить каждый звук. Вон какие лица – аж смотреть неловко, как будто подглядываешь за чем-то тайным. Такие открытые, вслушиваются. Как он в тот раз наклонился ко мне после урока, после той постыдной тройки – «Сань, ну ты почему не выучил?» – и глаза как у отца, усталые, понимающие... фу, терпеть его не могу!

Вот он закончил с чтением стихов, неторопливо уселся, немного покачался на стуле. Это же надо иметь такой худой зад – похоже, он сел мимо всех кнопок! Сидит себе, улыбается! Ой, он на меня поглядывает, этак хитренько да ласково! Аж в пот бросило! Ну, ладно, теперь приоткрой-ка ящик стола! Сюрпри-и-з! Крысёнок,

специально купленный вчера в зоомагазине, выскочил и шустро карабкается по его рукаву! Сейчас начнётся: испуганный визг девчонок, грохот стульев – вот сейчас, сейчас...

– Ты откуда, бедолага? – Суффикс и крысёнок на его плече с любопытством рассматривают друг друга. Даже носы у обоих подрагивают одинаково. Они тут что, в своей Сибири, в конец одичали, крыс не боятся? Даже девчонки разулыбались! А Суффикс, погладив притихшего зверька, сказал:

– Погодите, надо его определить... – и стремительно вышел. Вернулся, довольный, сгрёб кнопки, кинул в стол, и урок пошёл дальше. Как будто ничего не было! И, главное, эти, одноклассники мои, – сидят, как загипсованные, улыбаются! Хоть бы пошумели немного, пообсуждали! Аж противно!

– Лен, Лена! А... а ты что, мышей совсем не боишься? – фу, выговорил!

– Да чего их бояться? Маленькие, пушистые...

– И хвосты голые!

– Мы с тобой тоже голые... то есть... в смысле – без волос. Значит, и нас бояться надо? Тоже мне, придумал! – и, улыбнувшись, медленно пошла по коридору. И опять – цок – цок, и юбка колыхнется вокруг ног, пла-а-авно так ... Вот наваждение-то!

– А ты не пялься, Санечка!

Какая она всё-таки противная, эта Нелька! И голос противный тоже!

– Лучше спроси у своей Леночки, почему Суффикс к ней каждое воскресенье шляется? Небось, родители на дачку, а он шасть – и там!

– Дура ты, Нелька, и шутки твои дурацкие! – а чего тут ещё скажешь! Суффикс-то уже старый, ему, поди, лет сорок! Просто дура. И сволочь завистливая. Вот. А где Лена живёт – я знаю, сколько раз за ней после школы шёл. Завтра воскресенье, попробую с утра подойти к подъезду – ведь сегодня же окликнул, даже получилось заговорить! Теперь надо срочно развить успех. Билеты в кино давно куплены, а стоят немало, когда ещё накоплю. Пойду.

– Эй, пацан, закурим? – ну и рожи! Трое, лет по двадцать, чмошые какие-то.

– Не, я не курю.

– Киса, да не ссы, не обидим, только кармашки посмотрим.

Нет уж, там билеты и немного денег на киношный буфет.

– Ребята, ну вы чего, я же... – пытаюсь выкрутить ворот. Больно! В живот. Упал – и удары по спине, наверное, ногами... подняли, держат за куртку и волосы, руки шарят по карманам ...

– Даже сотика нет, валим!

– На тебе, лошонок... – тупой удар под ребро справа, под руками горячее, липкое. Сбоку пронзительный властный крик, поднял взгляд – всех троих отнесло через дорогу, как будто ветром. Метров на шесть отнесло, лежат, не движутся. И со спины чувствую – меня кто-то придерживает, осторожно укладывает на асфальт.

– Саша, терпи, сейчас, я сейчас... – Суффикс, глаза в глаза, внимательно смотрит, колыхается, заплывает дурнотным туманом, опять проявляется...

– Саша, ты Лену ждал? Говори, не спи, Саша! – ох, похоже у меня глюки. Глаза-то у Суффикса распахнулись и как будто к вискам отъехали, а зрачки в них – овальные, пульсируют, затягивают...

– Вы её любите? Лену?– ой, чего это я? А, всё равно уже.

– Люблю, – у меня аж дурнота пропала. И на загривке что-то востопорщилось. А этот, напротив, понимающе улыбнулся и добавил: – Немного. Мы с ней давние друзья. А ты бы кого попало не слушал, а лучше у Лены сам спросил. Жизнь-то и вправду большая и сложная, мало ли кто тебе чего скажет. Ничего, прорвёмся, сейчас скорая приедет.

А сам смотрит, смотрит, смотрит, и боли уже совсем нет, только спать охота. Трое у забора зашевелились, он, отвернувшись, рывкнул «лежать» – они замерли снова. И опять – глаза в глаза ...

– Говори, Саня, спроси меня о чём –нибудь, не молчи!

– Суф – ой – Владимир Иванович, а я умру? – нет, это не глаза, прямо воронки какие-то.

– Сейчас уже, наверное, нет.

– А мог бы?

– Очень даже мог.

– А это правда, что умирающему врать нельзя? Вот вы мне можете честно? Только один раз?

– Рискни... – и печальная усмешка.

– Вы... вы человек? Или НЕ ЧЕЛОВЕК? – странное лицо напротив дрогнуло, стало ещё печальнее, напряжение взгляда ослабло.

– Ох, чёрт... Саша... ну зачем ты...

– Пожалуйста, мне нужно! – казалось, это сейчас самое важное. – А то я умру и не узнаю!

– Уговор был – только один вопрос? – я осторожно кивнул. Он помолчал. – Нет, Саша. Не человек. Я учитель. – Ревя сиреной, во

двор ворвалась машина скорой помощи. И взгляд ушёл в сторону, отпустил, всё вокруг сразу поплыло и исчезло.

Кто же так стены красит? Две стены белых, а одна – в жёлтый квадрат. А, это солнце из окошка, ясно теперь. И чуть пониже квадратов...

– Лена, это ты? – маленькая прохладная ладошка ложится мне на лоб.

– Я, конечно! Твоя мама всю ночь дежурила, а я вот... пришла... Саш, знаешь, если апельсин долго мять, а потом сделать дырочку – его можно выпить. Я тебе помяла – хочешь?

– Конечно! – и у моих губ истекающий душистым соком, кислый... – Слушай, Лен, а как Суффикс... Владимир Иванович в твоём дворе оказался? – вылетело само, удержать не успел. И сердце замерло – обидится? Уйдёт? Лена только улыбнулась:

– Да у него там мама живёт. Она в девятой школе математичкой работает. Странная такая женщина, и не стареет совсем. Их квартира над нами, я обоих с детства знаю. Вовремя он подрос, правда?

– Он меня... лечил как будто... или удерживал, не знаю... – и странное лицо как наяву встало перед глазами, аж мурашки по спине.

– Ты бы поглядел, как его мама лечит! Вот где ужас-то! Я однажды в детстве гриппом болела, горела вся, таблетки не помогали. А она к нам зашла зачем-то. Как уставилась на меня! Я маленькая была, да и больная, а всё её глаза помню! Потом я как будто улетела куда-то, а когда проснулась, от болезни только насморк остался. Она, наверное, экстрасенс, правда? И Владимир Иванович, люди говорят, тоже, по наследству. Вообще они странные, но очень хорошие люди.

Люди? Я лежал и, улыбаясь, глядел в её серые, пушистые от ресниц глаза. Она весело рассказывала что-то о других соседях по подъезду, а лицо было озабоченным. Как будто слушала не себя, а меня, и беспокоилась обо мне. Кайф какой! Да ради этого я согласен, чтобы меня каждую неделю ножом в живот тыкали! А наш разговор с учителем – был ли он, тот разговор? Или это мой бред, а Владимир Иванович просто ободрял меня, говоря всякую ерунду? Нет, сам же признался, «не человек»! Тогда зачем «не человек» многие годы просто живёт среди нас и на смешную зарплату учит детишек литературе? Хорошо, между прочим, учит, литература в школе – любимый предмет! Этого странного педагога все любят, и ученики, и соседи. А он одним криком троих подонков снёс – и не заметил. Лечит, опять же... Ну, может и не лечит, а просто не отпускает... туда... А может, он оттуда? Тогда чего он такой добрый? Говорят, сын Божий тоже был добрым... Какая-то большая тайна вдруг взяла и

выросла передо мной в простом сибирском городе. Тайна не злобная, а скорее сказочная, невероятная. Так кто же вы, учитель?

Компьютерная душа

Умерла у Данилки бабушка, баба Няня. А как так – умерла, что это значит и где она теперь – не может Данилка понять, никак в его бедной голове не укладывается. Вчера девять дней отметили, а раньше отмечали Новый Год, день рождения, другие праздники. И все друг другу подарки дарили. А вчера грустно посидели за столом, да и разбежались, и никаких тебе подарков, Пусть не ему, Данилке, подарки – так хоть бы бабе Няне подарили что-нибудь! Когда он спросил, почему так, мама заплакала, а папа рассердился. Прогнали! Нет, чтобы объяснить человеку! А сегодня все его вообще бросили! Он вчера заболел, поднялась температура, и мама его утром в садик не повела. Такое и раньше бывало, но ведь с ним баба Няня оставалась, играла, готовила разные вкусности, поила чаем с травой и ставила горчичники. А как же ему теперь? Голова болит, из носа течёт ручьём, в квартире пусто и гулко, а мама только после обеда придёт! Так нельзя, это же не правильно, так никогда не бывает! Он уткнулся носом в бабушкино пальто, забытое на вешалке в углу прихожей и от души расплакался. Квартира отозвалась таким жутким, насмешливым эхом, что мальчик замолчал и испуганно забился в угол, под пальто. Зябкие мурашки страха пробежались по спине. И вдруг в тишине квартиры – родной, привычный звук – включился компьютер. Данилка вслушивался – и страх исчезал, исчез совсем. Компьютер был давним, добрым другом. Едва научившись ходить, мальчик первым делом освоил дорогу до его большой, самой главной кнопки. А уж правильно выключать научился позже, года в два. Медленно и осторожно Данил выбрался из угла, подошёл – на синем экране вместо заставки – смешная рожица. Потом – котёнок, пушистый щенок с сосиской, какой-то мальчик с яблоком. И правда, а не запустить ли любимую игрушку? И вот – привычная музыка, по экрану бежит колобок, ловко прыгает, первый уровень, второй... слёзы давно высохли, а нос – рядом с компьютером стоят капли, которые – он вспомнил – мама велела капать от насморка. И нос тоже в порядке, и голова не болит. А вот и дверь хлопнула, мама ласково зовёт его с порога.

Нажимая кнопку пуска, Данила едва сдерживал слёзы – от мамы крепко попало за двойку по русскому, но плакать уже стыдно – во

втором классе мальчики не плачут, ну разве что если нос расквасят. Почти не глядя на экран, он сердито прикидывал – поиграть немного или сразу за уроки засесть. Поднял глаза, а на экране – заставка, крупными буквами – «не плачь, солдат, не то враги победят!» – любимая бабушкина присказка. Да, его комп имеет характер, и мальчик уже привык к этому. Ну вот, пожалуйста, игрушка не запустилась. Не пошла и всё, хоть тресни! Придётся за уроки... Данил разложил учебник и стал набирать текст. Хитрец печатал гораздо лучше, чем писал от руки, а компьютер был куда грамотнее второклашки. И старенькая учительница, умиляясь техническим способностям ученика, охотно принимала домашнее задание в напечатанном виде. Но сегодня программа орфографии упорно не желала работать, явно неправильные слова только подчёркивались, а исправлять их комп нахально отказывался, предлагая взамен порыться в орфографическом справочнике! Нет уж, проще заглянуть в учебник – Данил, скрипя зубами, нашёл страничку с темой урока. И работа пошла! А за каждое правильно найденное слово на экране весело отплясывал маленький смешной человечек. Поставив последнюю точку, Данил устало откинулся на стуле – ох, и заставил же его потрудиться железный приятель! И вдруг сама собой загрузилась его любимая игра. Ну ясно, потрудился – теперь отдохнём!

Ровно через час экран мигнул, мальчик привычно сохранил игру и выключил комп. Он знал, что если этого не сделать – тот выключится сам, без всякого сохранения. Как говорила раньше бабушка: «Поиграл – и хватит, глазки спортишь!». Данила давно не удивлялся такой странной заботе о себе машины – привык.

– Не смейте! Это мой компьютер! Если вы его продадите – я... я из дома уйду! Двери закроете – через окно уйду! – Данил бушевал по полной программе, орал, размазывая по лицу злые слёзы, рвался к окошку. Бедные родители только глазами хлопали – так это было не похоже на их умного, спокойного мальчика. Сегодня они купили новый, современный компьютер, а Данила так держится за старый хлам! Новый комп грозит в окошко выкинуть. Как это понимать? Ладно, пусть стоит, старая железка, пока есть не просит.

Звонок в дверь:

– Кто там?

– Водички попить дайте, а? – Данил открыл, и вдруг кто-то большой и страшный отшвырнул его с порога, схватил за шиворот, поволок, матерясь, в комнату, толкнул в угол.

– Где папашины деньги, гадёныш, говори, быстро! – Данил бы и рад сказать, но язык со страху прилип во рту, не шевелится. А грабитель медленно, как будто принохиваясь, обошёл комнату.

– Нет, меня не обманешь! Компьютер дорогущий, а рядом – старая рухлядь. Думаешь, только вы догадались там золото прятать? – Он подошёл к старенькому компу, наклонился, и вдруг монитор взорвался с грохотом прямо ему в лицо. Грабитель упал и замер, кровь медленно просочилась из-под него на линолеум. Дотянувшись до трубки и с трудом справившись с дрожью в руках, Данила вызвал милицию.

Примерно через месяц Данил принёс новую игру – «болтунчика», и сел перекачивать в свой старенький, заново отремонтированный компьютер. Вчера поиграли у приятеля, было забавно – если напечатать фразу, то на экране появится ответ, иногда даже смешной и в тему. А когда «болтунчик» был в замешательстве, то отделялся глупыми вопросами. Игра загрузилась, и Данил напечатал первый вопрос. Ответ появился сразу, и волосы шевельнулись на затылке мальчика: – «Ну, слава богу, здравствуй, внучек, родной мой! Не забыл ещё бабу Няню?» Первая мысль – глупая шутка приятеля, потом вспомнились все странности компьютера... он поверил сразу, безоглядно, как верят только дети. И как будто тёплая маленькая ладошка благодарно погладила его по голове, а на экране – слова: «Я так давно хочу с тобой поговорить! Как же ты вырос, Данечка!»

Два часа, забыв о занятии в бассейне, он печатал и печатал, говорил и говорил, подросший внук со своей бабушкой, вдруг оказавшейся душой его старенького, странного компьютера.

Даниил Егорович вихрем влетел в рабочий кабинет, закрыл на замок дверь, включил старенький процессор, подсоединённый к самому современному монстру компьютерной техники, торопливо напечатал пароль и откинулся в кресле. Из динамиков раздался тихий старческий голос:

– Здравствуй, Данечка! Чего всполошился?

– Привет, ба! Погляди быстрее, что там с корейской ядерной программой? Кажется они там что-то затевают...

– Шибко надо? Ох, не люблю я туда лазить, языки восточные уж больно мудрёные! Пароли и так хитрые, да ещё и на корейском! Ладно, не хмурься, пошла уже...

Впервые за весь день Даниил Егорович, министр обороны России, расслабился, бездумно глядя на экран. Больше пяти лет оборона страны была в самых надёжных руках.

Музыка

– Уйду! Я уже взрослая! На всю ночь уйду! – БАМЦ – хлопнула дверь. Так-так-так-так – простучали ступеньки. ТыЦ – ТыЦ – ТыЦ – зло вбивая в асфальт каблучки, она завернула за угол. Из окна её уже не видно. И тут крепко сжатые кулачки разжались, слёзы, так героически сдержанные при маме, не потекли – брызнули во все стороны. Наощупь найдя скамейку, она рухнула и уткнулась лицом в ладони. Ну, как так можно, сколько ещё терпеть! Туда не ходи – опасно, ночной город – это не для тебя, а подружки вон как... а она даже... и бурные рыдания, и слёзы потоком, противный насморк, а платок дома... Потом, устало всхлипывая, она подняла глаза. Летний вечер мягко взял город в прохладные лапы. Дневную жару выметал с улиц первый ветерок, вечерний свет мягко касался перегретого асфальта. По бульвару, не торопясь, шли люди, говорили и смеялись. Но никто не замечал зарёванную девчонку на лавочке в кустах сирени. Только собака, запрыгнув в мусорный бачок, недовольно косилась в её сторону. Да мальчишка-попрошайка, появившись рядом с бачком, тоже смотрел, вот ещё чего не хватало, прямо выставился на неё. Потом шагнул... да не шагнул, а как бы вырос, стал больше, ой, не такой уж он и мальчишка! Молодой парень, симпатичный, кажется, и одет нормально, как она его за мальчика приняла? Только чего он так уставился? Стройный, широкие плечи, а за плечами, за спиной, на фоне облезлой стены дома призрачно мелькают и колышутся под ветром широкие тёмные – крылья? Полы плаща? И вдруг звуки сошли с ума – тяжёлые кисти сирени тихонько зазвенели под ветром, гитарный рокот и чистый голос скрипки – откуда? Звонко-звонко, чисто-чисто выговаривая, выпевая... а он стоял – и приближался, непонятно как притягивался к ней, и может быть – притягивал её своими невозможными глазами. И когда его лицо стало совсем близко – вверх, её и его вдруг понесло вверх по кругу, а мир распахнулся перед ними под музыку волшебного оркестра, вплетая в мелодию свои звуки. Вот, нежно-нежно, она как будто метнулась на звук – на ветке звенит синичка, и пушистый завиток на жёлтой грудке, тёплая белая щёчка... Тук-тук-тук – костяные кастаньеты, она вмиг оказалась рядом – это щенок, стуча белыми зубками, гоняет вошку по пушистому боку. И как смешно сопит его чёрный носик, и какой у него милый запах... Тихий звук арфы – ветерок прошёлся по глади пруда, так звучат мелкие волны... Контрабас – гудят, тянутся, провода несут свет в посёлки. И звонкий смех маленькой кудрявой девочки... Она видит и слышит все звуки мира, нет, не все, только те,

что сливаются в прекрасную мелодию! И она может различить каждый звук этой мелодии, свет и запах каждой песни нашего мира! Вот ликующий ритм задаёт малыш в коляске, звонко чмокая соской. И по всей земле звенят, тонко звенят, качаясь, летние травы, баюкают зреющие семена. А его глаза – напротив, и всё в его глазах, и всё это чудо – через них, нет, этого не передать, но это так здорово! Земля нежится под прохладным ветерком, как усталая женщина под пледом. Откуда она поняла, что именно нежится, что земля – живая, что она – усталая мать, женщина? И солнышко гладит землю последними лучами, как тёплыми пальцами, прощаясь перед сном, звук ласковой улыбки земли разлит в воздухе. Это неправильно, так не говорят – звук улыбки, но это правда, а также и свет улыбки, запах и тепло её. Материнское тепло, родное... а её душа осталась без маминого тепла, и мама обижена, а может, тоже тихо плачет на кухне?

БАМС – с небес на землю! И тишина... только ветер беззвучно качает истекающие ароматом гроздьё сирени. А напротив – никого... и за углом никого, и вдоль по улице... что это было? Она потрясла головой, снова огляделась, постояла ещё, всматриваясь в облезлую стенку напротив. Не колыхнётся ли призрачный плащ? Потом, тяжело вздохнув, побрела домой. Что там, дома? Топ-топ-топ – встретила её лесенка. Навстречу бесшумно, как во сне, открылась дверь – и мама отвернула заплаканное лицо. Она бросилась, прижалась:

– Мама, мамочка, я никуда не пойду, если ты так боишься! Ну их всех! Не плачь больше, пожалуйста, не плачь!

– Ох, доченька! – тихий всхлип из-под ладоней. – Неужели ты уже выросла?

О доброте

Как-то юноша, совсем недавно ставший взрослым, сказал, что очень добрым может быть только очень богатый человек, например, банкир. Ведь у него имеются большие возможности для больших добрых дел. И у меня сразу появился вопрос: а кто добрее – этот абстрактный банкир или такой же абстрактный дедушка-пасечник?

Представьте себе нашего банкира. Всю свою взрослую жизнь он делал деньги. Такая уж у него работа и судьба. Делал их из денег, добавляя к деньгам и делая снова деньги. Он похож на человека, нашедшего в песке сверкающее звено золотой цепи. Потянул за звено – показалось другое, потом третье... Шаг за шагом, звено за звеном он вытягивает из песка эту цепь, а она ложится на его плечи, шаг за шагом, звено за звеном. И вот уже непомерная тяжесть сгибает спину,

а он всё продолжает тянуть, потому что это его судьба и его работа. Вокруг него плотным кольцом толкутся алчные. Они не уменьшат его ноши, но за их липкими взглядами и жадными руками банкир уже не видит солнца, неба и людей – простых, хороших людей. Вокруг него хороших людей нет – сильные брезгливо отошли от этого хоровода, а слабые стали алчными.

И вот, по мере того, как цепь становится длиннее, вокруг банкира начинают происходить ужасные вещи – неведомая сила калечит его судьбу, судьбы его близких и родных. Может быть, золото притягивает беду? Его измученная, израненная душа ищет вокруг чего-то человеческого, хоть искры, хоть отблеска чужой радости. Он бросается в детский дом, заваливает брошенных детей сладостями и игрушками. Но их радость коротка, а глаза пусты – им нужны не игрушки, а любящие, родные люди. Он спонсирует издательство книги талантливого автора – самой первой, любимой – и недолго радуется его счастью. Но вот автор садится за новую книжку – а банкир снова один...

Но однажды банкир откроет скрипучую деревянную калитку, пройдёт по саду, который зарос слегка одичавшими цветами. Этот сад самозабвенно звенит созвучием пчёл, птиц и кузнечиков. Банкир сядет на тёплую скамейку, и, вытянув ноги, прислонится спиной к нагретым брёвнам избы. Закроет глаза, вдыхая сияние цветов и тёплого дерева, услышит лёгкие шаги.

– Сынок, покушай вот свеженького... – и перед его лицом большая кружка холодного молока, накрытая ломтем свежего хлеба. А на хлебе – янтарный мёд, как сумма этого сияющего дня. И глаза пасечника – спокойные, добрые...

Наверное, отдохнув, банкир опять впряжётся в привычную лямку и скоро забудет запах цветов и мёда. Но где-то на дне души у него обязательно останется странное ощущение, что вот ведь можно жить и без денег! Почти совсем без денег! Что ему, возможно, не стоит так уж упираться, отдавая свою единственную жизнь на добывание кучи денег, которые не принесли ему счастья.

Возможно, доброта – это немного развернуть человека, развернуть даже не словом – поступком, улыбкой, ласковым взглядом. Развернуть к счастью...

– А что такое оно, счастье, в чём оно? – обязательно спросит меня мальчик, так рано ставший взрослым. Да, ребята, вот это автор влетел! Ох, придётся мне, наверное, пойти на курсы пчеловодов. Вернусь – расскажу!

Оглавление

Долгая, долгая любовь.....	4
Ещё раз о героях.....	6
Просто учитель.....	13
Компьютерная душа.....	18
Музыка.....	21
О доброте.....	22